

THE BONGARD-LEVIN INTERNATIONAL INSTITUTE
OF THE CLASSICAL WORLD

SCRIPTA ANTIQUA

Ancient History, Philology,
Arts and Material Culture

The Almanac

Volume Three

Edward Rtveladze
Felicitation Volume

Sobranie
Moscow 2013

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИЧНОГО МИРА
ИМЕНИ Г.М.БОНГАРД-ЛЕВИНА

SCRIPTA ANTIQUA

Вопросы древней истории, филологии,
искусства и материальной культуры

Альманах

Том третий

К юбилею
Эдварда Васильевича Ртвеладзе

Собрание
Москва 2013

НАУЧНЫЙ СОВЕТ:

П.Бернар (Франция), *Г.Бауэрсок* (США), *Ж.-Ш.Балти* (Бельгия),
М.Д.Бухарин (Россия), *М.А.Дандамаев* (Россия), *П.Дюкре* (Швейцария),
П.-Ф.Кальери (Италия), *Н.Н.Казанский* (Россия), *Г.А.Кошеленко* (Россия),
М.Марот (Венгрия), *Ф.Миллар* (Великобритания), *Г.Парзингер* (Германия),
С.Розен (Швеция), *Н.Симс-Виллиамс* (Великобритания), *И.Х.Урилов* (Россия),
Ж.-Л.Феррари (Франция), *Х.Хайнен* (Германия), *Л.Ханнестад* (Дания),
М.Хатзопулос (Греция), *Ш.Шакед* (Израиль), *В.Шильтц* (Франция)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М.Д.Бухарин

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Ю.Алексеев, *Н.П.Гринцер*, *Д.В.Журавлев*, *А.А.Завойкин*, *Л.Л.Кофанов*,
И.А.Ладынин, *А.В.Муравьев*, *А.А.Немировский*, *А.В.Подосинов*,
С.Ю.Сапрыкин, *С.Р.Тохтасьев*

SCIENTIFIC COUNCIL:

P.Bernard (France), *G.W.Bowersock* (USA), *J.-Ch. Balty* (Belgium),
M.D.Bukharin (Russia), *M.A.Dandamaev* (Russia), *P.Ducrey* (Switzerland),
J.-L.Ferrary (France), *H.Heinen* (Germany), *L.Hannestad* (Denemark),
M.Hatzopoulos (Greece), *P.-F.Callieri* (Italy), *N.N.Kazansky* (Russia),
G.A.Koshelenko (Russia), *M.Maróth* (Hungary), *F.Millar* (Great Britain),
H.Parzinger (Germany), *S.Rosen* (Sweden), *N.Sims-Williams* (Great Britain),
S.Shaked (Israel), *V.Schiltz* (France), *I.Kh.Urilov* (Russia)

EDITOR-IN-CHIEF

M.D.Bukharin

EDITORIAL BOARD:

A.Yu.Alexeev, *N.P.Grintser*, *D.V.Zhuravlev*, *A.A.Zavoykin*, *L.L.Kofanov*,
I.A.Ladynin, *A.V.Muravyev*, *A.A.Nemirovsky*, *A.V.Podosinov*,
S.Yu.Saprykin, *S.R.Tokhtasyev*

СОДЕРЖАНИЕ

- Джумаев А.Б.*
К юбилею Эдварда Васильевича Ртвеладзе 11

АРХЕОЛОГИЯ

- Сверчков Л.М., У Син, Бороффка Н.*
Городище Кизылтепа (VI–IV вв. до н.э.):
новые данные 31
- Болелов С.Б.*
Кампыртепа – античная крепость на Оксе: стратиграфия,
периодизация, хронология. 75
- Байпаков К.М.*
Исследования исламской археологии
и архитектуры в Казахстане 133

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

- Нага М.*
Tyche as a Goddess of Fortune in “the Great Departure
(出家踰城)” scene of Life of Buddha. 145
- Бухарин М.Д.*
Рефлексы **axšaina*- в иранской гидронимии. 152
- Завойкин А.А.*
Боспорские греки и «азиатские варвары»
в период архаики — раннего эллинизма 164
- Смирнов С.В.*
Анабасис Антиоха I 197
- Пьянков И.В.*
«Каменная Башня» на Великом Шелковом пути. 204
- Никольская К.Д.*
Повседневная культура Древней Индии: взрослые и дети. 220

<i>Кляшторный С.Г.</i>	
Согдийский вельможа в государстве енисейских кыргызов . . .	237

НУМИЗМАТИКА

<i>Атаходжаев А.Х.</i>	
Нумизматические данные к политической истории Согдианы IV–II вв. до н.э.	243
<i>Абрамзон М.Г., Федина Ю.А.</i>	
Золотые монеты с легендой ΚΟΣΩΝ из российских музейных собраний и проблемы дакийской чеканки I в. до н.э.	280
<i>Горин А.Н.</i>	
Парфянские монеты Кампыртепа	302
<i>Schindel N.</i>	
A New Kushano-Sasanian Coin Type?	330

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

<i>Трейстер М.Ю.</i>	
Клад серебряных ритонов ахеменидского круга из Эрбуни . . .	341
<i>Канторович А.Р.</i>	
Изображения лося в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология	423
<i>Девуреченская Н.Д., Новиков С.В.</i>	
Терракотовая пластика Маргианы (по материалам Средне- азиатской археологической экспедиции 1980–2003 гг.)	481
Приложение 1. Каталог находок антропоморфных терракотовых статуэток Среднеазиатской Археологической Экспедиции. . . .	529
Приложение 2. Таблицы данных терракотовых статуэток Среднеазиатской Археологической Экспедиции	556
<i>Пидаев Ш.Р., Като К., Мкртычев Т.К.</i>	
Каменный скульптурный декор на Каратепе (раскопки 1998–2000 гг.)	572
<i>Шенкарь М.А.</i>	
Богиня или царица? К интерпретации женского персонажа на рельефе Нарсе из Накш-е Рустама	612
<i>Минасян Р.С.</i>	
Золотая маска «Рескупорида»	633

<i>Tanabe K.</i>	
A Study of the Buddha's Coffin in Gandharan Art.	641

<i>Цветкова Т.Г.</i>	
Резной ганч Варахши: опыт классификации и общие композиционные приемы	653

ЭПИГРАФИКА И ЛИНГВИСТИКА

<i>Kullanda S.V.</i>	
North Caucasian Loanwords in Indo-Iranian and Iranian	715

<i>Лурье П.Б.</i>	
Несколько неизданных хорезмийских надписей из Ток-Калы.	724

<i>Ильясов Дж.Я.</i>	
Арабские надписи на глазурованной керамике Самарканда	737

Список сокращений	747
Сведения об авторах.	752

CONTENS

- Jumaev A.B.*
The Jubilee of Edward Vasilyevich Rtveladze 11

ARCHAEOLOGY

- Sverchkov L.M., Wun Xin, Boroffka N.*
The Site of Kyzyltepa (VI–IV cent. B.C.): New Data 30
- Bolelov S.B.*
Kampyrtepa — the Classical Fortress on the Oxus:
Stratigraphy, Periodization, Chronology 75
- Baypakov K.M.*
Studies in Islamic Archaeology and Architecture in Kazakhstan . . 133

HISTORY AND HISTORICAL GEOGRAPHY

- Haga M.*
Tyche as a Goddess of Fortune in “the Great Departure (出家踰城)”
Scene of Life of Buddha. 145
- Bukharin M.D.*
The Reflexes of *axšaina- in the Iranian Hydronymy 152
- Zavoykin A.A.*
The Bosporan Greeks and the “Asiatic Barbarians”
(from Archaic till Early Hellenistic Time) 164
- Smirnov Sv.V.*
Antiochus’ I Anabasis. 197
- Pyankov I.V.*
The “Stone Tower” on the Great Silk Road 204
- Nikolskaya K.D.*
The Daily Culture of Ancient India: Adults and Kids 220
- Klyashtorny S.G.*
Sogdian Nobleman in the Yenisey Kyrgyz State 237

NUMISMATICS

Atakhojaev A.Kh.
 Numismatic Evidences for the Political History
 of Soghd in IV–II Cent. B.C. 243

Abramzon M.G., Fedina Yu.A.
 The Golden Coins with the Legend ΚΟΣΩΝ from the
 Collections of the Russian Museums and the Problems
 of the Dacian Coinage of the I cent. B.C. 280

Gorin A.N.
 The Parthian Coins of Kampyrtepa 302

Schindel N.
 A New Kushano-Sasanian Coin Type? 330

FINE ARTS

Treister M.Yu.
 The Hoard of the Silver Rhyta of Achaemenid Circle
 from Erebuni 341

Kantorovich A.R.
 Representations of the Elk in the East European Scythian Animal
 Style (Classification, Typology, Chronology) 423

Dvurechenksya N.D., Novikov S.V.
 The Terracotta Plastic Art of Margiana (from the Materials
 of Central Asian Archaeological Expedition, 1980–2003). 481
 Supplement 1. Catalogue of the Finds of the Anthropomorphic Terracotta
 Figurines of the Central Asian Archaeological Expedition 529
 Supplement 2. Tables of the Data of the Terracotta Figurines
 of the Central Asian Archaeological Expedition 556

Pidaev Sh.R., Kato K., Mkrtychev T.K.
 The Stone Sculpture Decor at Karatepa
 (Excavations of 1998–2000) 572

Shenkar M.
 A Goddess or a Queen? On the Interpretation of the Female Figure
 on the Relief of Narseh at Naqš-e Rostam. 612

Minasyan R.S.
 The Golden Mask of “Reskuporid” 633

<i>Tanabe K.</i>	
A Study of the Buddha's Coffin in Gandharan Art.	641
<i>Tsvetkova T.G.</i>	
The Fretted Ganch of Varakhsha: Classification and Common Compositional Techniques	653

EPIGRAPHY AND LINGUISTIC

<i>Kullanda S.V.</i>	
North Caucasian Loanwords in Indo-Iranian and Iranian	715
<i>Lurje P.B.</i>	
Some Unpublished Chwarezmian Inscriptions from Tok-Kala	724
<i>Ilyasov J.Ya.</i>	
Arabic Inscriptions on the Glazed Pottery from Samarqand	737

М.А.Шенкарь

БОГИНЯ ИЛИ ЦАРИЦА? К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖЕНСКОГО ПЕРСОНАЖА НА РЕЛЬЕФЕ НАРСЕ ИЗ НАКШ-Е РУСТАМА¹

Наскальный рельеф сасанидского царя Нарсе (293–303 гг. н.э.), из Накш-е Рустама знаменует первое со времен Ардашира I (223/4–241 гг. н.э.) возвращение к композиции «пешей инвеституры» в сасанидском искусстве (Рис. 1–2)². Рельеф представляет собой ассиметричную композицию, состоящую из пяти фигур. В правой части сцены помещено изображение царя, получающего диадему божественной власти из рук женского персонажа в непокрытой зубчатой короне, лишенной царского *коримба* (*korymbos*) — ткани, покрывающей собранные в пучок волосы. Левая рука царя покоится на рукояти меча, левая рука женской фигуры скрыта в длинном рукаве ее одежды.

Между ними располагается карликовая фигура, напоминающая двух персонажей такого же маленького размера, изображенных на рельефе Ардашира I в Накш-е Раджабе³. Позади царя помещены фигуры двух вельмож, воздевших правую руку в позе адорации⁴.

¹ Для автора является большой честью возможность посвятить эту статью юбилею выдающегося археолога, человека уникального кругозора и широчайших научных интересов — академика Эдварда Васильевича Ртвеладзе.

² *Herrmann G.* Naqsh-i Rostam 5 and 8, Sasanian Reliefs Attributed to Hormuzd II and Narseh. В., 1977 (Iranische Denkmäler. 8). P. 9–11. Fig. 2. Pl. 8–14a; *Vanden Berghe L.* Reliefs rupestres de l'Iran ancien. Brussels, 1984. № 75. По мнению У.Вебер, он был выполнен после 289 г. н.э. (*Weber U.* Zu den Feldbildnissen des Königs Narseh // Sources for the History of Sasanian and Post-Sasanian Iran / Ed. R.Gyselen. Bures-sur-Yvette, 2010 (Res Orientalis. 19). P. 305–321). О Нарсе и его правлении см. также: *Weber U., Wiesehöfer J.* König Narsehs Herrschaftsverständnis // Commutatio et Contentio. Studies in the Late Roman, Sasanian, and Early Islamic Near East In Memory of Zeev Rubin / Ed. H.Börm, J.Wiesehöfer. Düsseldorf, 2010. P. 89–133; *Weber U.* Narseh, König der Könige von Ērān und Anērān // IA. 2012. 47. P. 153–302.

³ *Vanden Berghe L.* Reliefs rupestres de l'Iran ancien. № 52.

⁴ Одна из фигур, по-видимому, осталась незавершенной.

Несмотря на отсутствие надписи, по аналогии с рельефами первого сасанидского царя Ардашира, символически венчаемого на царстве Ахура Маздой, женский персонаж на рельефе Нарсе традиционно идентифицировался учеными как образ богини Анахиты.

Существует, однако, и другое мнение, трактующее эту фигуру как изображение царицы. Эта идентификация в последнее время получила весьма широкое распространение. Цель данной статьи — проанализировать обе позиции с учетом новых аргументов и попытаться прийти к обоснованному заключению: кем является женская фигура на рельефе Нарсе, богиней или царицей?

Анахита (ср. перс. *Anāhīd*) — одна из главных зороастрийских богинь — засвидетельствована уже в авестийском пантеоне под тройным эпитетом *arəduuī sūra anāhitā*, традиционно переводимым как «влажная, могучая, незапятнанная»⁵. В Авесте Анахита выступает, главным образом, как богиня вод. Нужно отметить, что авестийский текст не дает никаких оснований считать Анахиту воинственным божеством или богиней любви. Косвенно отмечается лишь ее функция целительницы⁶.

Первое упоминание Анахиты в надежно датированном историческом источнике — надписи ахеменидского царя Артаксеркса II (404–359 гг. до н.э.)⁷. Анахита — единственная богиня, к которой обращаются Ахемениды в своих царских надписях, наряду с Ахура Маздой и Митрой. Часто цитируемый отрывок, приписываемый вавилонскому жрецу Бероссу, писавшему по-гречески в эллинистический период, относит ко времени правления Артаксеркса II также возведение статуй Анахиты в различных городах царства: в Вавилоне, Сузах, Экбатане, Персеполе, Бактрах, Дамаске и Сардисе (*Clem. Al. Protr. V. 65. 3*). Трудно сказать, насколько достоверна эта информация: археологические данные подтверждают существование культовых статуй в Иране только начиная с эллинистического периода⁸.

⁵ *Boyce M.* A History of Zoroastrianism. Vol. 1: The Early Period. Leiden, 1975. P. 71. Альтернативные варианты перевода были предложены П.О.Шерво, «возвышенная, живительная, неприкрепленная/незапятнанная» (*Skjærø P.O.* Ahura Mazdā and Ārmaiti, Heaven and Earth, in the Old Avesta // JAOS. 2002. 122/2. P. 400), и Ж.Келленсом, «вертикальная», «сведущая», «преуспевающая», «сильная», «неприкрепленная» (*Kellens J.* Le problème avec Anāhitā // Orientalia Suecana. 2002–2003. 51–52. P. 321–323).

⁶ *Kellens J.* Le problème avec Anāhitā. P. 319.

⁷ A2Ha, A2Sa, A2Sd (*Lecoq P.* Les inscriptions de la Perse achéménide. P., 1997. P. 269–275).

⁸ Данное обстоятельство, в общем, не должно нас удивлять, поскольку свободностоящая монументальная скульптура была практически неизвестна в ахеменидском искусстве.

Рис. 1. Наскальный рельеф Нарсе. Накш-е Рустам

Имя Анахиты не засвидетельствовано среди божеств, фигурирующих в Персепольских табличках⁹. В этот период отсутствуют также какие-либо данные относительно культа богини и любые ее достоверные изображения. Нужно отметить, что в ахеменидском монументальном искусстве женские изображения как таковые отсутствуют, хотя периодически встречаются в глиптике¹⁰. Вполне возможно, что некоторые из этих царственных женщин, носящих зубчатые короны, могут быть изображениями богинь¹¹, однако их

⁹ См. исследование В.Хенкельмана: *Henkelman W.F.M. The Other Gods who are: Studies in Elamite-Iranian Acculturation Based on the Persepolis Fortification Texts*. Leiden, 2008.

¹⁰ См. работу: *Lerner J.A. An Achaemenid Cylinder Seal of a Woman Enthroned // The World of Achaemenid Persia. History, Art and Society in Iran and in Ancient Near East / Ed. J.Curtis, J.Simpson. L., 2010. P. 153*, в которой приводится сводка данных изображений со ссылками на литературу.

¹¹ Подобные изображения есть на кольцах из «Амударьинского клада» (*Dalton O.M. The Treasure of the Oxus. L., 1964. № 38, 103–104*); на золотой пластинке из клада, найденного в 1993 г. в Мир Зака, в Афганистане (*Greenet F. Cosa sappiamo dei pellegrinaggi nel mondo iraniano preislamico? // La bisaccia del pellegrino: fra evocazione e memoria / Ed. A.Balbeo, S.Piano. Torino, 2010. Pl. 8*); на геммах из Пешаварского музея (*Callieri P. Seals and Sealings from the North-West of the Indian Subcontinent and Afghanistan (4th Century B.C. – 11th Century A.D.): Local, Indian, Sasanian, Graeco-Persian, Sogdian, Roman.*

Рис. 2. Наскальный рельеф Нарсе. Накш-е Рустам. Прорисовка (Herrmann G. Naqsh-i Rostam 5 and 8. Fig. 2)

иконография как правило не содержит каких-либо специфических божественных атрибутов. Вероятно, это изображения цариц или высокопоставленных дам.

Две цилиндрические печати, выполненные в так называемом «греко-персидском» стиле, наиболее часто служат примером изображения ахеменидской Анахиты. Первая из них, изначально входившая в коллекцию Де Клерка, изображает подношение голубя сидящей на

Naples, 2010. № 4.1–3); и на ковре из Пазырыкского кургана (*Баркова Л.Л. Новые исследования импортных тканей из Больших Алтайских курганов // СГЭ. 2009. 67. Ил. 3–7*).

троне царственной женщине, увенчанной каннелированной тиарой с длинной вуалью (Рис. 3)¹². Этот необычный головной убор, более не встречающийся в ахеменидском искусстве, а также голубь, традиционно ассоциировавшийся с некоторыми ближневосточными богинями, могут служить свидетельством божественной природы женщины на этой печати¹³.

Вторая печать, найденная в Горгиппии, изображает окруженную ореолом лучей женскую фигуру в зубчатой короне, которая стоит на льве перед мужским персонажем в ахеменидских царских инсигниях (Рис. 4)¹⁴. На этой печати, несомненно, представлена богиня, чья иконография примечательно близка к тому, как изображалась великая месопотамская богиня Иштар в ассирийском и урартском искусстве в IX–VIII вв. до н.э.¹⁵. Единственное отличие богини на печати из Горгиппии от ассирийских и урартских образов Иштар — ахеменидская зубчатая корона. Являясь, по сути, единственным доподлинным ахеменидским изображением женского божества, образ богини на печати обычно трактуется как ахеменидское изображение Анахиты¹⁶. В литературе довольно распространено мнение, что культ и иконография Анахиты испытали сильное влияние Иштар¹⁷. Однако свидетельства этого влияния — косвенные и относятся они, главным образом, к более позднему периоду. Фактически мы не располагаем никакими на-

¹² Lerner J.A. An Achaemenid Cylinder Seal... P. 159.

¹³ Ibid. См., однако, работу: Brosius M. The Royal Audience Scene Reconsidered // The World of Achaemenid Persia. History, Art and Society in Iran and in Ancient Near East / Ed. J.Curtis, J.Simpson L., 2010. P. 143–148, в которой изображение на данной печати интерпретируется как сцена аудиенции у высокопоставленной дамы.

¹⁴ Boardman J. Greek Gems and Finger Rings. L., 1970. № 878; Idem. Persia and the West. An Archaeological Investigation of the Genesis of Achaemenian Art. L., 2000. P. 165. Fig. 5.19.

¹⁵ Наиболее близкими параллелями являются серебряный медальон из Зинджирли (Ornan T. Istar as Depicted on Finds from Israel // Studies in the Archaeology of the Iron Age in Israel and Jordan / Ed. A.Mazar. Sheffield, 2001. Fig. 9.14) и изображение на одной неоассирийской печати (Ibid. Fig. 9.16).

¹⁶ Только из сравнительно недавних работ, см., например: Compareti M. The Eight Pointed Rosette: A Possible Important Emblem in Sasanian Heraldry // Parthica. 2007. 9. P. 209–210; Grenet F. Iranian Gods in Hindu Garb. The Zoroastrian Pantheon of the Bactrians and Sogdians, Second — Eighth Centuries // BAI. 2006 [2010]. 20. P. 87. Fig. 1.

¹⁷ Например, см.: Panaino A. The Mesopotamian Heritage of Achaemenian Kingship // The Heirs of Assyria. Proceedings of the Opening Symposium of the Assyrian and Babylonian Intellectual Heritage Project. Held in Tvärminne, Finland, October 8–11, 1998 / Ed. S.Aro, R.M.Whiting. Helsinki, 2000 (Helsinki: The Neo-Assyrian Text Corpus Project 2000). P. 37–38.

Рис. 3. Ахеменидская цилиндрическая печать из бывшей коллекции Де Клерка (Moorey P.R.S. Aspects of Worship and Ritual on Achaemenid Seals // Akten des VII. Internationalen Kongresses für Iranische Kunst und Archäologie. B., 1979 (AMI. Ergänzungsband 6). Pl. 1. Fig. 5)

дежными данными о том, что Анахита идентифицировалась с Иштар в ахеменидский период¹⁸.

Богиня на печати из Горгиппии имеет мало общего с описанием Анахиты в Яште 5¹⁹. Важно также отметить, что Анахита никогда не

¹⁸ Любопытно отметить, что печать из Горгиппии часто привлекается как иллюстрация влияния Иштар на иконографию Анахиты, как будто тождество богини на этой печати с Анахитой является твердо установленным фактом. Единственный элемент в авестийском описании Анахиты, возможно, указывающий на влияние месопотамской иконографии, это «семибашенная» (*ašta. kaošda*) корона богини в Яш. 5. 128 (Panaino A. The Mesopotamian Heritage of Achaemenian Kingship. P. 38 (n. 16)). Подобные короны с изображениями крепостных башен часто украшали головы королей в ассирийском и эламском искусстве (Alvarez-Mon J. The Arjān Tomb. At the Crossroads of the Elamite and the Persian Empires. Leuven, 2010 (AI. 49). P. 58–61. Pl. 23–24.b).

¹⁹ При этом следует учитывать, что сама релевантность Авесты в понимании иранской иконографии весьма спорна. По обоснованному мнению А.Де Йонга: “[Avesta] was not considered a source of narrative traditions or imagery. Its practical use in many areas of Sasanian culture, such as politics, propaganda, and belles lettres, would have been rather limited. The best way of seeing these texts is to see them as a collection of ritual texts in the heads of priests” (De Jong A. The Culture of Writing and the Use of the Avesta in Sasanian Iran // Zarathushtra entre l’Inde et l’Iran: études indo-iraniennes et indo-européennes offertes à Jean Kellens à l’occasion de son 65e anniversaire / Ed. É.Pirart, X.Tremblay. Wiesbaden, 2009. P. 38). “The idea that the Avesta would be in any sense comparable to the Bible in

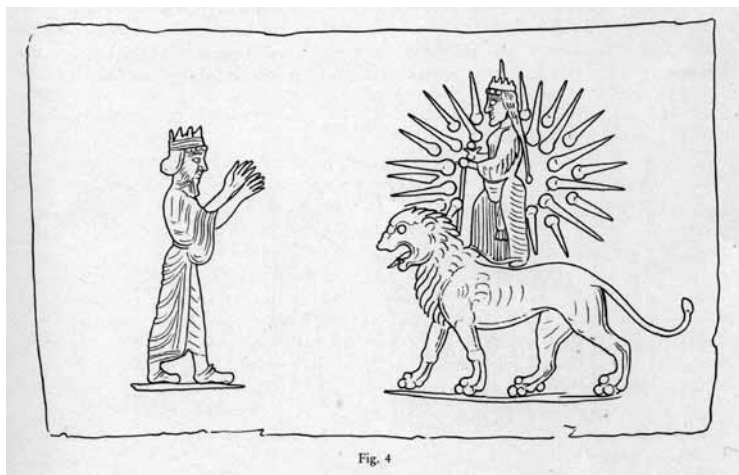

Fig. 4

Рис. 4. Печать из Горгииппии (Moorey P.R.S. Aspects of Worship and Ritual... Pl. 1, Fig. 4)

ассоциировалась со львом, постоянным спутником Иштар и Наны, — великой богини Средней Азии и главы согдийского и бактрийского пантеонов²⁰. Следовательно, если непременно искать подходящую интерпретацию данного образа в иранском контексте, Нана представляется гораздо более подходящей кандидатурой, чем Анахита²¹. Однако,

Hellenistic Judaism or in Christianity, that is, a source of inspiration and stories for everyone to exploit, as a sacred book, is surely misleading” (Ibid. P. 90).

²⁰ Элиан (NA. XII. 23) упоминает львов, которых держали в «святилище Анаитис» в Элимаиде. Однако эти данные, по-видимому, следует отнести к храму богини Наны, широко почитавшейся в Сузах (Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol 3: Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule. Leiden, 1991. P. 47–48; De Jong A. Traditions of the Magi: Zoroastrianism in Greek and Latin Literature. Leiden, 1997. P. 274 (n. 94)). О Нане см.: Ambos C. Nanaja — eine ikonographische Studie zur Darstellung einer altorientalischen Göttin in hellenistisch-parthischer Zeit // Zeitschrift für Assyriologie. 2003. 93/2. S. 231–272; Ghose M. Nana: The “Original” Goddess on the Lion // JIAAA. 2006. 1. P. 97–113.

²¹ Существует довольно широко распространенная в литературе тенденция идентифицировать Анахиту с Наной, причем часто это принимается за аксиому. На самом деле, этот вопрос гораздо более сложный, чем это обычно представляется, и не может быть рассмотрен подробно в рамках данной небольшой статьи. Отметим лишь, что мы не располагаем никакими бесспорными письменными или иконографическими свидетельствами того, что Анахита ассоциировалась с Наной.

на наш взгляд, намного логичнее идентифицировать богиню, изображенную на печати из Горгииппии, с самой Иштар. Нет ничего заведомо необычного в изображении ахеменидского царя, поклоняющегося месопотамской богине. Не стоит считать, что каждый подобный случай непременно требовал *interpretatio iranica* божества неиранского происхождения.

Не существует ни одного достоверного изображения Анахиты и в эллинистический и парфянский периоды, хотя нет оснований предполагать, что после македонского завоевания ее почитание в Иране претерпело какие-либо изменения. Это составляет разительный контраст с большим количеством разнообразных данных о почитании Анаитис в Малой Азии, где богиня, как правило, изображалась в виде, характерном для Артемиды Эфесской²². Однако остается неясным, имели ли культ и функции малоазиатской Анаитис что-либо общее с иранской богиней кроме имени.

Анахита упоминается также на двух жетонах и в посвячительной надписи из Пальмиры²³. Источники сообщают о статуях Анаит, вырезанных из дерева и украшенных драгоценными металлами, стоявших в храмах богини в дохристианской Армении²⁴.

В отличие от ахеменидского, сасанидское искусство исключительно богато женскими образами. Широко распространенная в прошлом тенденция узнавать в любом сасанидском женском изображении Анахиту была подвергнута справедливой критике²⁵ и на сегодняшний день практически полностью оставлена специалистами. Женские персонажи, часто отождествлявшиеся с Анахитой, могут быть разделены на три основные категории:

1) Молодые женщины с цветком, весьма популярный сюжет сасанидской глиптики²⁶. Помимо их идентификации с Анахитой, было

²² О культе и иконографии малоазиатской Анаитис, см.: Reding-Hourcade N. Recherches sur l’iconographie de la déesse Anāhitā // Archéologie et religions de l’Anatolie ancienne: Mélanges en l’honneur du professeur Paul Naster / Ed. R. Donceel, R. Lebrun. Louvain, 1983. P. 199–209; Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. 3... P. 211–235.

²³ Ingholt H., Seyrig H., Caquot A. Recueil des tessères de Palmyre. P., 1955. № 166–167; Kaizer T. The Religious Life of Palmyra, Stuttgart, 2002. P. 159.

²⁴ Agat’angelos. XXXVIII. 786 (по изд.: Agathangelos. History of the Armenians / Ed. and tr. by R.W.Thomson. Albany, 1976); Movsēs Xorenac’i. II. 12; II. 49 (по изд.: Moses Khorenats’i. History of the Armenians / Ed. and tr. by R.W.Thomson. Cambr.; L., 1980).

²⁵ См. например: Kellens J. Le problème avec Anāhitā. P. 318.

²⁶ Например: Gignoux Ph., Gyselen R. Bulles et sceaux sassanides de diverses collections. P., 1987. AMO 10.1–10.6; IBT 10. 1, 10. 2; MCB 10. 2.

предложено также видеть в них Даену²⁷ или связывать их с браком²⁸. Как и в случае с подобным ахеменидским мотивом, они, возможно, являются просто изображением высокопоставленных дам.

2) Женские фигуры, часто изображаемые на сасанидских серебряных сосудах. Они представлены в свободных позах, в движении, возможно, в танце. Как правило, они обнажены или одеты в прозрачные одежды. Их атрибуты весьма разнообразны: это диадемы, фрукты, цветы, животные, птицы, детские фигурки, музыкальные инструменты, ларцы и шарфы²⁹. На этих фигурах никогда нет короны, однако головы некоторых из них окружены нимбом³⁰.

Отсутствие короны и царского облачения — неотъемлемых атрибутов божества в сасанидском искусстве — делает их интерпретацию как богинь неправдоподобной³¹. Однако нимб, как кажется, свидетельствует о том, что эти изображения не являются и просто «танцовщицами» или «музыкантами», а вероятно имеют некое культовое или символическое значение³². Наиболее убедительным представляется мнение, что эти сасанидские «танцовщицы» восходят к греко-римским дионисийским персонажам, близким к менадам³³, связанным с празднествами и персонификациями месяцев или вре-

²⁷ Gnoli G. A Sasanian Iconography of the Dēn // Bulletin of the Asia Institute. 1993. 7. P. 79–87.

²⁸ Brunner C.J. Sasanian Seals in the Moore Collection. Motive and Meaning in Some Popular Subjects // Metropolitan Museum Journal. 1979. 14. P. 49.

²⁹ См. каталог данных изображений и их атрибутов, составленный D.G. Shepherd: Shepherd D.G. The Iconography of Anahita. Pt. 1 // Berytus. 1980. 28. P. 63.

³⁰ Например: Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1987. № 18–20.

³¹ Несмотря на роскошные облачения и ленты диадемы женской фигуры на так называемом «строгановском кувшине» (см.: Смирнов Я.И. Восточное серебро. СПб., 1909. № 79), отсутствие короны также ставит ее интерпретацию как богини, предложенную Б.И. Маршаком, под сомнение (Marshak B.I. The Decoration of Some Late Sasanian Silver Vessels and its Subject-Matter // The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires / Ed. V.S. Curtis, R. Hillenbrand, J.M. Rogers. L., 1998. P. 86; Marshak B.I. Zoroastrian Art in Iran under the Parthians and the Sasanians // A Zoroastrian Tapestry / Ed. P.J. Godrej, F.P. Mistree. Middletown, 2002. P. 142.

³² Marshak B.I. Zoroastrian Art in Iran... P. 142.

³³ Duchesne-Guillemin J. Art and Religion under the Sasanians // Memorial Jean de Menasce / Ed. Ph. Gignoux, A. Taffazoli. Louvain, 1974. P. 151–153; Abdullaev K. Les motifs dionysiaques dans l'art de la Bactriane et de la Sogdiane // Afghanistan ancien carrefour entre l'est et l'ouest / Ed. O. Voparatchchi, M.-F. Bousac. Turnhout, 2005. P. 237–238. Fig. 29–33.

мен года³⁴. Вероятно, они были призваны художественно воплощать идеи праздника, благоденствия и изобилия, а их изображение на престижной серебряной посуде, по-видимому, носило декоративный характер.

3) Обнаженная женщина, кормящая гроздью винограда несущую ее гигантскую птицу. Она изображена на серебряном блюде из Эрмитажа³⁵ и на сасанидских печатях³⁶. В.Г. Луконин предложил трактовать эту сцену как иллюстрацию к авестийскому мифу об Анахите, спасающей лодочника Паурву³⁷. Однако данный сюжет был убедительно выведен Г. Азарпай из буддийской истории о похищении замужней женщины бодхисатвой, который принял образ птицы Гаруда³⁸.

В сасанидском искусстве существуют еще несколько женских образов, претендующих на роль Анахиты. Наиболее ранний из них — женская фигура в зубчатой короне, помещенная справа от алтаря на монетах Ормазда I (272/3 гг. н.э.) (Рис. 5)³⁹. Так как второй тип реверса монет этого царя вместо женской фигуры изображает Митру в лучистой короне⁴⁰, можно с уверенностью предположить, что и в первом случае перед нами богиня⁴¹. Она держит в руках продолговатый пред-

³⁴ Harper P.O. Sources of Certain Female Representations in Sasanian Art // Atti del convegno internazionale sul tema: La Persia nel Medioevo. Rome, 1971. P. 503–515; Harper P.O. Sassanian Silver. The Cambridge History of Iran. III. 2. Camb., 1983. P. 1120, n. 2; Marshak B.I. The Decoration of Some Late Sasanian Silver Vessels... P. 86; Idem. Zoroastrian Art in Iran... P. 141; Harper P.O. In Search of a Cultural Identity: Monuments and Artifacts of the Sasanian Near East, 3rd to 7th century A.D. N.Y., 2006. P. 127.

³⁵ Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. № 22.

³⁶ Например: Gignoux Ph., Gyselen R. Bulles et sceaux sassanides... KP 20g.

³⁷ Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. С. 89–90.

³⁸ Azarpay G. A Jataka Tale on a Sasanian Silver Plate // BAI. 1995. 9. P. 99–127. Сасанидский вариант данного мифа, вероятно, отличался от засвидетельствованного в буддийских источниках. В буддийском мифе женщина сопротивляется похитителю, тогда как в сасанидском искусстве, напротив, она изображается кормящей гигантскую птицу.

³⁹ Göbl R. Sasanian Numismatics. Braunschweig, 1971. Tab. II.2; Gyselen R. Romans and Sasanians in the Third Century: Propaganda Warfare and Ambiguous Imagery // Commutatio et Contentio. Studies in the Late Roman, Sasanian, and Early Islamic Near East in Memory of Zeev Rubin / Ed. H. Börm, J. Wiesehöfer. Düsseldorf, 2010. P. 78. Fig. 17.

⁴⁰ Göbl R. Sasanian Numismatics. Tab. II.1; Gyselen R. Romans and Sasanians in the Third Century... P. 78. Fig. 16.

⁴¹ Р. Гизелен в недавней статье высказала интересное предположение, что появление здесь Анахиты, возможно, связано с изображениями богини Тюхе, основным атрибутом которой является зубчатая корона, — на римских монетах того же периода: Gyselen R. Romans and Sasanians in the Third Century... P. 78.

Рис. 5. Реверс монеты Ормазда I (Фото О.Бопеараччи)

мет, который, возможно, является *барсомом*. Любопытно, что в посвященном Анахите авестийском гимне также говорится о том, что она держит *барсом*⁴². Если на монетах Ормазда I действительно изображена богиня Анахита, перед нами, возможно, один из очень редких случаев в сасанидском искусстве, когда иконографию можно сопоставить с релевантным авестийским текстом.

Другой персонаж, так же часто принимаемый за Анахиту, — женская фигура на реверсе монет Вахрама II (276–293 гг. н.э.) (Рис. 6)⁴³. В данном случае композиция полностью копирует сцену инвеституры на монетах Ормазда I, однако вместо Митры диадему царю протягивает женская фигура в *кулафе*, увенчанном головой птицы.

Помимо рельефа Нарсе, царственная женская фигура в короне изображена также на рельефе Хорова II в Так-е Бустане (Рис. 7)⁴⁴ и на

⁴² Яшт. 5.30.127.

⁴³ См.: Gyselen R. Les Wahramides (273–293 A.D.): quelques aspects de leur langage monétaire // SI. 2010. 39. P. 207–209.

⁴⁴ Fukai S., Horiuchi K. Taq-i Bustan. Vol. II. Tokyo, 1972. Pl. III–XXXIII; Vanden Berghe L. Reliefs rupestres de l'Iran ancien. №. 81.

Рис. 6. Реверс монеты Вахрама II (Фото О.Бопеараччи)

небольшой панели, помещенной чуть ниже левого края сасанидского рельефа в Дарабгирде (Рис. 8)⁴⁵.

Традиционная интерпретация этих изображений как Анахиты была оспорена А.Шахбази, который предложил трактовать женскую фигуру на рельефе Нарсе как образ его жены Шапурдухтак⁴⁶. Левая рука этой женской фигуры скрыта в длинном рукаве. Шахбази полагает, что такая поза символизирует подчиненное положение, поэтому данный женский персонаж не может быть богиней. Отправной точкой его аргументации служит женская фигура на монетах Вахрама II, которая, по версии исследователя, также скрывает кисть левой руки в длинном рукаве одежды. Основываясь на прочтении В.Г.Лукониным легенды на одной из монет данного типа⁴⁷, Шахбази считает женскую фигуру изображением другой царицы, также носившей имя Шапурдухтак, — супруги Вахрама II. Так как бюст на

⁴⁵ Vanden Berghe L. La découverte d'une sculpture rupestre a Dārābgird // IA. 1978. 13. P. 135–149.

⁴⁶ Shahbazi A.S. Studies in Sasanian Prosopography // AMI. 1983. 16. P. 255–269.

⁴⁷ Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969. С. 107, 177.

рельефе из Дарабгирда увенчан непокрытой зубчатой короной, как и женская фигура с рельефа Нарсе в Накш-е Рустаме, иранский исследователь идентифицирует и его как изображение супруги Нарсе, царицы Шапурдухтак.

Прежде всего отметим, что чтение Луконина, по-видимому, неточно, и имя Шапурдухтак не фигурирует на этой монете⁴⁸. Более того, на некоторых монетах этого типа совершенно четко видно, что рука женщины не спрятана в рукаве: даже пальцы на ее руке вполне различимы⁴⁹. Сама гипотеза о том, что скрытая в рукаве кисть руки непременно свидетельствует о подчиненном положении, была недавно поставлена под сомнение и детально проанализирована А.Санторо. Исследователь убедительно показала, что сообщения Ксенофонта о данном обычае при ахеменидском дворе, на которые опирается Шахбази, вероятно, являются позднейшей интерполяцией, и нет никаких иконографических подтверждений тому, что ахеменидский церомониал действительно требовал скрывать кисти рук в рукавах в присутствии царской персоны⁵⁰.

В источниках, относящихся, или, по крайней мере, частично восходящих к сасанидскому периоду (как например, зороастрийская литература на среднеперсидском языке), подобная поза не упоминается. Единственная сасанидская поза субординации перед царем задокументированная как в текстах⁵¹, так и в искусстве (Рис. 9)⁵², — это скрещенные на груди руки.

Необходимо заметить, что на так называемом «Реликварии Канишки» (153–191 гг. н. э.) кушанский царь изображен в кафтани с длинным рукавом, скрывающим кисть его левой руки (Рис. 10)⁵³. А.Судавар привлек внимание также к портрету кушанского царя Вимы Кадфиза (113–127 гг. н.э.) на его монетах, на котором рука также скрыта в рука-

⁴⁸ См.: Weber U. Wahrām II., König der Könige von Ērān und Anērān // IA. 2009. 44. P. 583–584.

⁴⁹ Curtis V.S. Royal and Religious Symbols on Early Sasanian Coins // Current Research in Sasanian Archaeology, Art and History / Ed. D.Kennet, P.Luft. Oxf., 2008. P. 140–141. Fig. 6; Gyselen R. Les Wahramides (273–293 A.D.)... P. 208.

⁵⁰ Santoro A. Hands in Sleeves. A Note on Iranian-Central Asiatic Costume in Gandharan Art // EW. 2005. 55. P. 290–291.

⁵¹ Хосров, сын Кавада, и (его) паж. 1 (по изд.: Чунакова О.М. Пехлевийская Божественная Комедия. Книга о Праведном Виразе (Арда Вираз Намаг и другие тексты), М., 2001. С. 149).

⁵² Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. № 9.

⁵³ См.: Errington E. Numismatic Evidence for Dating the "Kaniška Reliquary" // SRAA. 2002. 8. P. 101–121.

Рис. 8. Женский бюст. Наскальный рельеф из Дарабгирда. (Vanden Berghe L. La découverte d'une sculpture rupestre à Dārābgird. Fig. 1)

ве (Рис. 11)⁵⁴. Таким образом, не вызывает сомнения, что и цари могли изображаться подобным образом, что фактически исключает толкование данной позы как позы подчинения и субординации. Ношение кафтана с длинными рукавами, в которых в холодную погоду прятали кисти рук, отмечено в среде народов Средней Азии с древности до сравнительно недавнего времени⁵⁵. Представляется, что сокрытие рук в рукавах было всего лишь средством защиты от холода в условиях сурового среднеазиатского климата и, по-видимому, не несло никакой дополнительной смысловой нагрузки.

Как прототипом изображений Ахура Мазды был сасанидский монарх⁵⁶, так и наиболее вероятной моделью для образа Анахиты долж-

⁵⁴ Soudavar A. Looking through The Two Eyes of the World: A Reassessment of Sasanian Rock Reliefs // IS. 2012. 45.1. P. 36–37.

⁵⁵ Santoro A. Hands in Sleeves. P. 292–294.

⁵⁶ Хотя отметим, что ни на одном сасанидском рельефе образ Ахура Маз-

на была стать царица. Именно в этом и состоит трудность идентификации женской фигуры на рельефе Нарсе. Однако у нас нет ни одного достоверного изображения сасанидской царицы в зубчатой короне. На двух сасанидских печатях, единственных примерах, где изображение царицы подтверждается надписью, они представлены в головных уборах иного типа⁵⁷. Единственным возможным изображением сасанидской царицы в зубчатой короне является печать из бывшей коллекции М.Форуги⁵⁸. К сожалению, на печати нет надписи, которая помогла бы идентифицировать портрет, однако важно отметить, что зубчатая корона, венчающая голову изображенной на ней женщины, является комбинацией с *колахом* и не идентична короне женщины на рельефе Нарсе и на монетах Ормазда I.

Гипотеза А.Шахбази получила поддержку ряда ученых⁵⁹. Особо следует остановиться на недавней статье У.Вебер, которая, признавая в женской фигуре на рельефе Нарсе царицу, трактует всю композицию как символическую церемонию «возвращения *x'arənah*», празднующуюся в семейном кругу⁶⁰. Ее дополнительную (по отношению к наблюдениям, уже высказанным А.Шахбази) аргументацию с иконографической точки зрения можно свести к следующему: 1) сцена передачи диадемы царской власти не находится в центре композиции; 2) фигура Нарсе за счет короны является наиболее высокой; 3) именно Нарсе вручает диадему женской фигуре, а не наоборот.

Попробуем последовательно проанализировать данные утверждения. Прежде всего, сцены передачи диадемы на сасанидских рельефах совершенно необязательно помещались в центре композиции. Так, например, рельеф Ардашира I в Накш-е Раджабе еще более асимметричен и сдвинут вправо⁶¹. Фигура Нарсе действительно выглядит самой крупной из-за высокой короны. Однако это отнюдь не свидетельство более высокого статуса царя по отношению к женскому персонажу; перед нами, скорее, начало тенденции возвеличивания фигуры царя

ды не является точной копией изображения царя. Наиболее существенное отличие — непокрытая зубчатая корона верховного зороастрийского бога.

⁵⁷ *Gignoux Ph., Gyselen R. Sceaux de femmes à l'époque sassanide // Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in Honorem Louis Vanden Berghe. Gent, 1989. № 23–24.*

⁵⁸ *Ghirshman R. Iran. Parthians and Sassanians. L., 1962. Fig. 294.b.*

⁵⁹ Например, М.Бросиус в статье, посвященной женщинам в доисламском Иране и написанной для издания «Encyclopaedia Iranica»: *Brosius M. Women. i. In Pre-Islamic Persia EIr. Online Edition. March 15, 2010, available at <http://www.iranicaonline.org/articles/women-i>.*

⁶⁰ *Weber U. Zu den Feldbildnissen des Königs Narseh.*

⁶¹ *Vanden Berghe L. Reliefs rupestres de l'Iran ancien. № 51.*

Рис. 10. Фрагмент «Реликвария Канишки» (© Trustees of the British Museum)

в сасанидском искусстве, которая достигнет кульминации в рельефе Хосрова II в Так-е Бустане, где царь уже заметно возвышается над Ахура Маздой и дополнительной женской фигурой.

Несмотря на то, что рука Нарсе, протянутая к диадеме, сильно повреждена, нет никаких сомнений, что именно женская фигура, сжимающая диадему, вручает царю символ власти, а не наоборот. Нарсе, вероятно, лишь протягивает руку к диадеме, подобно Ардаширу на рельефе в Накш-е Рустаме⁶². Не случайно, что и карликовая фигура, помещенная между царем и женским персонажем, обращена в жесте адорации к последней и недвусмысленно указывает именно на женщину как на наиболее «высокопоставленного» персонажа композиции.

Что же касается трактовки самой сцены, то Вебер утверждает, что поскольку у Нарсе уже был один рельеф, представляющий инвеституру⁶³, ему не было нужды в дополнительном изображении аналогичной сцены. Чтобы опровергнуть данное предположение, достаточно

⁶² *Ibid. № 53.*

⁶³ Рельеф его брата Вахрама II, в надписи на котором имя Вахрама было заменено на Нарсе в своеобразном акте *domnatio memoria* (*Vanden Berghe L. Reliefs rupestres de l'Iran ancien. № 62.*)

вспомнить, что Шапур I оставил два рельефа со сценой инвеституры, а его отец, основатель Сасанидской державы Ардашир I — три.

Датировка рельефа в Накш-е Рустаме второй половиной правления Нарсе совершенно не требует пересмотра его традиционной интерпретации, как настаивает У.Вебер, так как инвеститурные сцены высекались сасанидскими царями на разных этапах их царствования, а отнюдь не только в связи с восшествием на престол⁶⁴.

Таким образом, можно заключить, что аргументы А.Шахбази и У.Вебер несостоятельны. Нет достаточных оснований сомневаться в том, что на рельефе в Накш-е Рустаме действительно изображена богиня, вручающая диадему власти Нарсе, по аналогии с рельефами Ардашира, который получает диадему из рук Ахура Мазды. Богинями являются и женские образы на монетах Ормазда I и Вахрама II, равно как и женский персонаж с рельефа Хосрова II в Так-е Бустане. Однако действительно ли все они изображают именно Анахиту?

К сожалению, в отличие от Ахура Мазды на рельефе Ардашира I, на рельефе Нарсе в Накш-е Рустаме изображение богини не сопровождается надписью. Однако, учитывая важное место Анахиты в зороастрийской традиции, ее особое значение для правящего дома Сасанидов⁶⁵, и особенно тот факт, что Анахита — единственная богиня, упомянутая в сасанидских царских надписях, идентификация богини на рельефе Нарсе из Накш-е Рустама с Анахитой представляется наиболее вероятной.

Вряд ли можно считать простым совпадением и то, что единственный сасанидский царь, упоминающий в своих надписях «Госпожу Анахиту» (*anāhīd ī bānūg*) — это именно Нарсе⁶⁶. Он же, единственный из всех сасанидских царей, изображен получающим царскую диадему не из рук Ахура Мазды, а из рук женской фигуры.

До своего восшествия на сасанидский царский престол Нарсе правил Арменией. Из армянских источников можно сделать вывод, что Анахит играла важную роль в армянском дохристианском пантеоне, возможно, превосходя по популярности и значению даже самого Арамазда, так как она иногда упоминается перед ним и занимает особое

⁶⁴ См. например, рельефы Ардашира I. Их внутренняя хронология точно не установлена, однако не вызывает сомнения, что они были высечены в разные периоды царствования основателя Сасанидской империи.

⁶⁵ По свидетельству ат-Табари, Сасан, дед первого сасанидского царя Ардашира, был хранителем храма Анахиты в Истахре (*Bosworth C.E. The History of al-Ṭabarī. Vol. 5. The Sasanids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen. Albany, 1999. P. 4.*)

⁶⁶ Paikuli 9. 19 (по изд.: *Humbach H., Skjærvø P.O. The Sasanian Inscription of Paikuli. Pt. 3.1. Restored Text and Translation. Wiesbaden, 1983. P. 35.*)

положение среди других богов⁶⁷. Анахит также — единственная богиня, имевшая, согласно армянским историкам, три храма, в то время как все остальные боги, включая Арамазда, владели лишь одним храмом каждый⁶⁸. Можно предположить, что в бытность царем Армении Нарсе приобрел к необыкновенно популярному там культу богини Анахиты, что впоследствии и нашло отражение в надписи из Пайкули и в рельефе из Накш-е Рустама.

Интересно, что единственные достоверные изображения Анахиты в иранском мире происходят из Средней Азии и относятся к кушано-сасанидскому периоду. Ее изображения появляются на монетах кушано-сасанидских правителей Ардашира I, Ардашира II (вторая половина III в. н.э.) и Ормазда I (первая треть IV в. н.э.) (Рис. 12–14). Их уникальное значение в том, что это, по сути, единственные изображения, где богиня идентифицирована соответствующими надписями⁶⁹.

Тот факт, что надписи выполнены на среднеперсидском, а не на бактрийском языке, свидетельствует, на мой взгляд, о прямом сасанидском влиянии. Более того, идентичная формула *anāhīd ī bānūg*, «Госпожа Анахита», встречается, как мы уже видели, и в надписи из Пайкули. Анахита не фигурирует в чрезвычайно разнообразном кушанском пантеоне, и имена, образованные от имени Анахиты, не засвидетельствованы в бактрийской ономастике. Таким образом, несмотря на упоминание в Авесте, представляется, что культ Анахиты был импортирован из сасанидского Ирана, после того как Бактрия подпала под власть иранских царей.

На монетах Ардашира I и Ардашира II богиня носит корону, напоминающую зубчатую корону сасанидских богинь. Анахита на реверсе монеты кушаншаха Ормазда I изображена в необычном головном уборе трапециевидной формы с вуалью и диадемой. Интересно, что первое появление Анахиты в Бактрии (на монетах Ардашира I), ве-

⁶⁷ *Agath'angelos*. XLIII. 68 (по изд.: *Agath'angelos. History of the Armenians...*).

⁶⁸ См.: *Agath'angelos. History of the Armenians...* P. 440.

⁶⁹ На монете Ормазда I (*Cribb J. Numismatic Evidence for Kushano-Sasanian Chronology // SI. 1990. 19. P. 151–195. № 5*) надпись ясно читается как *'n'hyt ZY MROTA (anāhīd ī bānūg)*, «Госпожа Анахита». Чтение надписи на монете Ардашира I (*Cribb J. Numismatic Evidence... № 16*) намного более проблематично, так как даже на лучших экземплярах можно разобрать лишь четыре буквы, которые, однако, совпадают с той же легендой: *'[n](h)[y]t ZY [M](RWTA)*. Легенда на реверсе монеты Ардашира II (?) (*Cribb J. Numismatic Evidence... № 17*) совершенно неразборчива, однако на основании иконографии можно утверждать, что на монете изображена та же богиня, что и на монете Ардашира I.

роятно, совпадает по времени с ее первым изображением в Иране (на монетах Ормазда II)⁷⁰.

Почитание Анахиты, видимо, проникло из Бактрии в Согдиану и Хорезм уже в ранний кушано-сасанидский период, так как культ Анахиты в Хорезме был известен уже в III в. н. э. Такой вывод позволяет сделать появление имени *Nāhītāk*, в документах из Топрак-калы⁷¹.

В отличие от бактрийской ономастики, в Согде встречаются теофорные имена, образованные от Анахиты⁷², однако нет ни одного ее достоверного изображения. Наиболее вероятным кандидатом на роль согдийской Анахиты является богиня на росписи из северной капеллы в Храме II в Пенджикенте (Рис. 15)⁷³. Несмотря на различие в атрибутах, ее поза, одеяния и корона удивительным образом совпадают с изображением богини на монетах Ардашира I. Б.И.Маршак, первым обративший внимание на это сходство, впоследствии предположил, что богиня из Пенджикента может быть изображением Анахиты⁷⁴.

Любопытно, что все данные о культе Анахиты из Средней Азии датируются периодом не позднее VI в. н.э. Возможно, тот факт, что принесенная сасанидами с запада Анахита так и не смогла укорениться в этом регионе, связан с существовавшим там древним и влиятельным культом другого водного божества — Окса, — персонификации великой среднеазиатской реки Амударья. Культ Окса засвидетельствован в Бактрии и Согдиане начиная с ахеменидского периода и вплоть до арабского завоевания. Можно предположить, что в бактрийском и

⁷⁰ Абсолютная хронология кушано-сасанидских правителей по-прежнему остается спорной (см.: *Cribb J. Numismatic Evidence... и Grenet F., Lee J., Martinez Ph., Ory F. The Sasanian Relief at Rag-i Bibi (Northern Afghanistan) // After Alexander. Central Asia before Islam / Ed. J.Cribb, G.Herrmann. Oxf., 2007 (Proceedings of the British Academy. 133). № 17).*

⁷¹ *Лившиц В.А. Надписи и документы // Калалы-Гыр II. Культурный центр в древнем Хорезме IV–II вв. до н.э. М., 2004. С. 191.*

⁷² *Lurje P.B. Personal Names in Sogdian Texts. Wien, 2011. № 94–95.*

⁷³ *Belenitskii A.M., Marshak B.I. The Paintings of Sogdiana // Sogdian Painting. The Pictorial Epic in Oriental Art / Ed. G.Azarpay. Berkeley; Los Angeles; L., 1981. Fig. 34; Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.). СПб., 2009. С. 72. Рис. 112.*

⁷⁴ *Маршак Б.И. Согд в V–VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Средняя Азия в раннем Средневековье. М., 1999. С. 183. То же мнение разделяет и Ф.Грне (*Grenet F. Crise et sortie de crise en Bactriane-Sogdiane aux Ier–Ve siècles: de l'héritage antique à l'adoption de modèles sassanides // La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Rome, 1996. P. 388).* См., однако, недавнюю статью Г.Азарпай, которая предложила считать ее изображением согдийской Даены: *Azarpay G. Imagery of the Sogdian Dēn // Florilège offert à Philippe Gignoux pour son 80e anniversaire / Ed. by R.Gyselen, C.Jullien. P., 2011. P. 58, 75.**

Рис. 13. Царь перед статуей (?) богини. Реверс монеты Кушаншаха Ардашира II (?). (Schindel N. Ardashir II Kushanshah and Huvishka the Kushan: Numismatic Evidence for the Date of the Kushan King, Kanishka I // JONS. 2009. 198. P. 12–14)

согдийском пантеонах не нашлось места для еще одного водного божества, прочие же функции Анахиты лежали в сфере ответственности великой среднеазиатской богини Наны.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что нет достаточных оснований сомневаться в том, что женский персонаж на рельефе Нарсе является богиней. Несмотря на отсутствие сопроводительной надписи, это, скорее всего, Анахита, вероятно, особо почитавшаяся Нарсе. По аналогии с Ахура Маздой можно предположить, что непокрытая зубчатая корона, которой увенчана Анахита на рельефе Нарсе, была ее отличительным атрибутом в сасанидском искусстве. Следовательно, и богиня с *барсомом* на монетах Ормазда I также изображает Анахиту. Однако судя по рельефу Хосрова II из Так-е Бустана и монетам Вахрама II, Анахита (если это действительно она) могла изображаться и с другими коронами.

SUMMARY

A Goddess or a Queen? On the Interpretation of the Female Figure
on the Relief of Narseh at Naqš-e Rostam

by *M. Shenkar*
(Jerusalem, Israel)

The article offers a reassessment of the identity of the female figure found on the relief of the Sasanian king Narseh at Naqš-e Rostam. Based on iconographic analysis of the relief and discussion of the arguments put forward by A.Sh.Shahbazi and U.Weber, it is concluded that the figure is not a queen but rather a goddess. She is most probably to be identified with the goddess Anāhitā, to whom Narseh was perhaps personally devoted.

This discussion is followed by a critical examination of the pictorial representations of Anāhitā in the pre-Islamic Iranian world. It is emphasized that Anāhitā was a western Iranian goddess whose worship was probably imported to Bactria after this part of the eastern Iranian world came under the rule of the Sasanian kings.